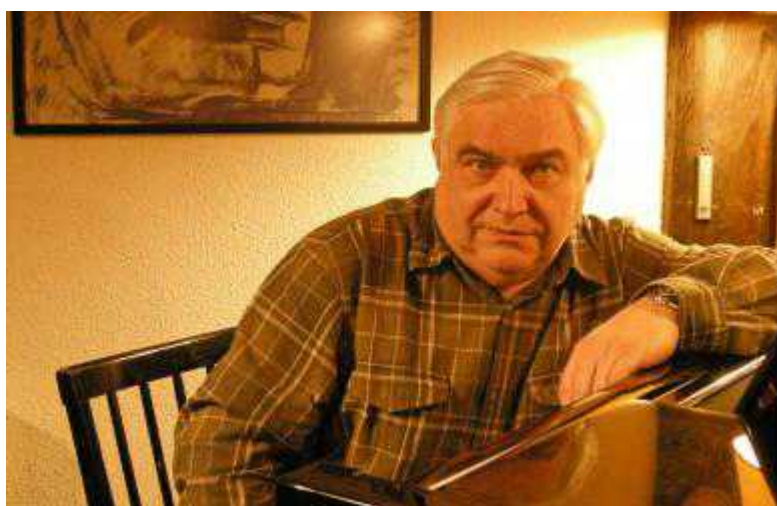

Алексей Головин - русский пианист в Женеве |

Auteur: Архивы, [Архивы](#) , 16.01.2008.

Выпускник Московской консерватории и бывший редактор Всесоюзного Радио Алексей Федорович Головин приехал в Швейцарию 29 июня 1972. Оглядываясь назад...

Алексей Головин оказался в Женеве по любви. Познакомился в московской компании со швейцарской студенткой Майей, внучкой легендарного актера Мишеля Симона, пригласил ее, как полагается, в Большой театр на балет, ну и... вот уже 35 лет здесь. Жизнь Головина наполнена женщинами, прежде всего дочками Мариной и Настей и внучкой Розеттой, которая в свои четыре года уже играет на рояле.

Внешне Алексей Федорович не соответствует образу романтического музыканта, немножко не от мира сего. Он любит выпить и закусить, причем сам прекрасно готовит, любит посмеяться и рассказать пару-тройку анекдотов, которых он знает несметное количество и буквально на все случаи жизни.

Однако за фасадом бонвивана и весельчака скрывается человек большой души, чуткий музыкант и верный друг. Но предоставим, наконец, слово самому Алексею Головину.

- Я приехал в Швейцарию, ни слова не зная по-французски. Надо было искать

работу, а как без языка? Начал с частных уроков и вместе с учениками одолевал основы французского. Долго пришлось мне объяснять, например, что выражение «apprendre par cœur» не имеет никакого отношения к сердцу. А потом так получилось, что друзья моего тестя актер Жан Виньи и его жена Марина, преподаватель музыки, уезжали на гастроли и она предложила мне заменить ее в Консерватории. Я заменил, и задержался на тридцать с лишним лет, сначала в Женевской народной консерватории, а потом уже в основной Женевской консерватории

НГ: Непросвещенному читателю может быть непонятно, какая между ними разница...

АГ: Главное различие в том, что народная не дает диплома о высшем образовании, а в остальном все схоже: и программа, и экзамены.

НГ: И Вас прямо так сразу взяли преподавать, без всякого опыта?

АГ: Не сразу. Тогдашний директор консерватории Габриэль де Агостини был не против - в то время советские музыканты на Западе были еще в диковинку - но загвоздка была в том, что у меня не было диплома. Закончив знаменитую Центральную музыкальную школу и пять лет проучившись в Московской консерватории и сдав все госэкзамены, я не защитил диплома просто потому, что уже работал на радио. Так что диплом надо было получить на месте. Благодаря этому мне выпало счастье познакомиться с замечательным педагогом Гарри Датинером, который взял меня в свой класс. Получил я диплом и остался в аспирантуре, которая здесь элегантно называется «*virtuosité*», и закончил ее с Первой премией.

Я очень благодарен Датинеру, который первым научил меня по-настоящему работать над собой.

НГ: Трудно ли было начинать преподавать, ведь раньше Вы этим не занимались?

АГ: Трудно! Сначала городил ерунду, никого, правда, не загубив, но постепенно разобрался. Труд педагога - неблагодарный, он никогда не кончается.

НГ: В 2006 году престижный французский журнал «*Monde de la Musique*» опубликовал большую статью о женевской консерватории, в которой много говорилось о ее славном прошлом, меньше - о сегодняшнем дне, а из педагогов вообще были упомянуты только двое - Вы и Мишель Корбо. Однако от знакомых местных музыкантов я знаю, что Ваша жизнь в консерватории складывается не очень гладко.

АГ: Это старая история, которая сейчас уже меня мало волнует, но может быть, о ней полезно рассказать в назидание потомкам. Прежде всего надо понять, что уровень в здешней консерватории не выше, чем в любой районной московской музыкальной школе. И система здесь совсем другая. У нас если ты попал в класс к педагогу - есть все шансы проучиться у него до выпуска, а здесь педагоги меняются. То есть ты занимаешься-занимаешься со студентом, проходишь с ним все самые трудные этапы, а на заключительном этапе его «забирает» другой преподаватель и выпускает как своего ученика. Вот преподавать на этом последнем этапе, на

финишной, так сказать, прямой мне так и не дали

НГ: А почему, как Вы думаете?

АГ: Понятия не имею! Я исправно несколько раз подавал заявки на открывавшиеся вакансии, но впустую. Великий Никита Магалов, считавший, что у меня есть педагогический талант, пытался поговорить с бывшим директором консерватории Клодом Виала, но тот ушел от разговора. А после неудачи с очередным конкурсом этот Виала, который в принципе неплохо ко мне относился и даже как-то пригласил к себе поужинать, спокойно мне сказал: «Вы же умный человек и понимаете, что если бы мы были в Вас заинтересованы, то Вам бы предложили подать заявку».

НГ: Но все же у Вас должны быть соображения на этот счет. Думаете ли Вы, что эти притеснения связаны с тем, что Вы плохой педагог, иностранец, русский?

АГ: Соображения у меня есть, но они могут прозвучать нескромно. Лучше я отвечу на этот вопрос таким примером. Всемирно известная пианистка Марта Аргерич решила как-то заняться преподаванием. Ей предложили место в Кельне, но она предпочитала остаться в Женеве, которую хорошо знала и бывала членом жюри фортепианного конкурса. Марта пошла на прием к Виала, который был с ней очень любезен, мило побеседовал, но на работу не взял.

НГ: Мне кажется, что Вы в какой-то степени ощущаете собственную невостребованность. Это правда?

АГ: Правда. Обидно не только то, что у меня лично в консерватории у меня нет учеников в профессиональной категории, но что там вообще практически нет дипломников, не говоря об аспирантах. То есть преодолев уровень средней школы, студенты предпочитают продолжать образование где-то еще. Не это ли красноречивее всего говорит о низком уровне преподавания?

НГ: Зато Вас с удовольствием приглашают давать мастер-классы другие престижные учебные заведения и даже знаменитый зальцбургский Моцартеум?

АГ: Да, Рольф Либерман, тогдашний директор Моцартеума, приглашал меня дважды. Довелось преподавать и в Манхэттенской школе в Нью-Йорке, в Консерватории Буэнос-Айреса, в Московской консерватории, в Китае...

НГ: Все-таки почему Вы, лауреат нескольких международных конкурсов, пианист, записавший с десятков дисков, предпочли преподавательскую карьеру исполнительской?

АГ: Просто в какой-то момент я для себя решил, что самому играть хорошо, а преподавать лучше. Приятно, когда можно кому-то передать то, чему научился сам, когда к тебе обращаются за помощью, за советом. Хотя конечно, сейчас отношение к педагогам не то, что раньше. До революции в Московской консерватории тоже было разделение на младшие и старшие классы. Так вот с младшими, среди которых были Рахманинов и Скрябин, занимался такой педагог Зверев, который на свою зарплату мог не только хорошо жить сам, но и содержать в своем доме на полном иждивении нескольких талантливых учеников. Времена изменились.

НГ: И все же Вы не порвали окончательно с концертной деятельностью. Не

далее как в прошлом ноябре в Большом зале консерватории, который для всех россиян остается, я думаю, главным залом мира, с большим успехом прошел Ваш концерт. Какие у Вас остались впечатления?

АГ: Играть в Москве - всегда удовольствие, а особенно вместе с такими прекрасными музыкантами как Алла Постникова и Геннадий Рождественский. Мы играли на двух роялях «Шотландскую балладу» Бриттена и, как мне кажется, московская публика, известная своей взыскательностью, осталась удовлетворена.

НГ: Не навевает ли на Вас Москва ностальгию, не начинаете жалеть, что уехали?

АГ: Совершенно нет. Что меня ждало там? Вступил бы в партию, стал бы, в лучшем случае, зав.отделом на Радио, что неплохо, но имеет уже второстепенное отношение к музыке. А тут я все эти 35 лет занимался любимым делом, имел счастье общаться со многими замечательными людьми, путешествовать...

НГ: Каковы Ваши планы на будущее?

АГ: В 65 лет, то есть уже совсем скоро, меня тут отправят на пенсию, а к безделью я абсолютно не готов. Я получил несколько предложений, связанных с преподаванием в Китае. Сначала я их как-то отмел, я теперь серьезно подумываю об этом, даже записался на университетские курсы китайского языка. Так что, может быть, жизнь только начинается!

[русские](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/aleksey-golovin-russkiy-pianist-v-zheneve>